

МАРСЕЛЬ ПРУСТ

Против Сент-Бёва

<Фрагменты >

Толстой

В наше время Бальзака ставят выше Толстого. Это безумие. Творение Бальзака неприглядно, полно гримас и нелепостей; судит человечество в нем литератор, стремящийся создать великое произведение, тогда как Толстой в этом смысле — невозмутимый бог. Бальзаку удастся создать впечатление величественного, у Толстого по сравнению с ним все само собой выглядит грандиозней, как помет слона рядом с пометом козы. Величественные жатва, охота, катание на коньках в «Анне Карениной» подобны огромным заповедникам, что как бы разрезают воздух всех остальных сцен в романе, создают ощущение пространства. Кажется, что между двумя разговорами Вронского пролегло целое поле некошенной травы, целое лето. Поочередно влюбляешься во все попавшее в эту вселенную: в волнение всадника, пустившего лошадь рысью («О, милая! О!»), в чувства героя, на пари взявшегося, стоя на подоконнике, выпить бутылку рома, в бивачное веселье, в житье-бытье мелкого помещика, любителя охоты, в старого князя Щербацкого, за границей рассуждающего о милой сердцу русской жизни (встаешь поздно и т. д. — глава «На водах»), в знатного транжира (брата Наташи) в «Войне и мире», в престарелого князя Болконского и т. д. Это романы не наблюдения, а интеллектуального построения. Каждая подмеченная черта — всего лишь покров, доказательство, пример закона, выявленного романистом, — закона рационального или иррационального. Впечатление мощи и жизненности исходит от его романов именно в силу того, что они — результат не на-

блюдения, а того, что каждое движение, слово, событие лишь подтверждают тот или иной закон; ощущаешь себя в гуще законов. Но поскольку истинность этих законов диктуется автору изнутри, иные из них остаются для нас непостижимыми. Когда он говорит о хитром выражении лица Кити, стоило ей завести речь о религии, или о радости Анны, унижающей Вронского, не легко понять, что он имеет в виду. Нам доставляет удовольствие наблюдать, как великий ум не чурается остроумия, понятного нам (шутки Рёскина над своей собакой Визирем, над горничной Энн, шутки Толстого, составляющие как бы второй план начала «Анны Карениной»). И несмотря ни на что, возникает ощущение, что в своем кажущемся неисчерпаемым творении Толстой повторяется, что у него не так уж много сюжетов: подновленные, поданные в ином ключе, они кочуют из романа в роман. Звезды, небо, подмеченные Левиным, отчасти напоминают комету, увиденную Пьером, и высокое голубое небо над князем Андреем. Еще больше Кити, сперва отвергнувшая Левина ради Вронского, а затем вновь вернувшаяся к мысли о нем, напоминает Наташу, забывшую князя Андрея ради другого, а потом вновь обратившуюся к нему. И не одно ли и то же воспоминание «позировало» для Кити, выглядывающей из окошка кареты, и Наташи, едущей в карете среди раненых?

Достоевский

Среди самых ужасных мучений своих в тюрьме Достоевский называет невозможность побыть одному на протяжении всех четырех лет. А ведь, казалось бы, даже будучи вынужден терпеть постоянное присутствие других людей, человек способен уединиться внутренне, мысленно отвлечься от окружающего. Это под силу любому и больше, чем любому, должно было быть присуще Достоевскому: благодаря невероятной силе воображения он должен был уметь не замечать того, что делается вокруг. Во всяком случае, есть помехи, гораздо труднее поддающиеся устранению, чем присутствие людей, которые могут стеснять лишь внешне, но не мешать работе ума. Я имею в виду внутренние помехи. Человек, носящий в себе болезнь, в течение все тех же четырех лет (а часто и гораздо дольше) страдающий страшными болями, не перестает испытывать отупляющее недомогание, являющееся последствием не спадающей температуры и затрудняющее даже самостоятельное приподымание на постели, — так вот, такой человек, постоянно раздраженный своей болезнью, в гораздо мень-

шей степени одинок, чем Достоевский среди заключенных, до которых ему не было дела и которые, в свою очередь, не проявляли никакого интереса к нему. А температура и болезнь вынуждают вас интересоваться окружающими.

Возможно, каторжные работы были для Достоевского подарком судьбы, открывшим ему возможность внутренней жизни. Любопытно, до какой степени начиная с этого момента его переписка напоминает переписку Бальзака: просьбы одолжить денег, обещания вернуть сторичей, основанные на вере в грядущую славу. «„Идиот“ будет прекрасной книгой», как и «Лилия долины», ибо он чувствует, как в нем зреет новый человек. Что бы там ни говорил Жид¹, в повествование романа включены интеллектуальные рассуждения, например, о смертной казни.

Все романы Достоевского (как и все романы Флобера, а «Госпожа Бовари» особенно, да и «Воспитание чувств» тоже) могли бы называться «Преступлением и наказанием». Но, возможно, он делит надвое то, что в реальности едино. В его жизни безусловно имеется как преступление, так и наказание (быть может, не имеющее отношения к данному преступлению), но он предпочел разделить их: возложить впечатления о наказании на себя («Записки из мертвого дома»), а преступление — на других. Его своеобразие заключено не в тех качествах, о которых пишет Ривьер², а в композиции произведений.

